

Недетский ужас

Страшная правда Скобровки

Об этом месте на карте Беларуси последнее время говорят все чаще. Как у нас, так и на Западе. Говорят по-разному: от отрицания страшных событий до обнаружения шокирующих подробностей. И даже у отечественных историков нет единого взгляда на происходившее там. Всеми виной треклятые белые пятна: почти не осталось документальных подтверждений геноцида. В основном до нас дошли воспоминания очевидцев, записанные спустя годы.

Так что же происходило возле Минска незадолго до освобождения белорусской столицы от гитлеровцев?

Современная Скобровка – обычный населенный пункт в Пуховичском районе на Минщине, таких тысячи в разных уголках Беларуси. Привычные взгляду деревянные добротные хаты соседствуют с дорогим новостроем. Коренных жителей все меньше, дачников все больше. Свидетелей военного времени в живых уже никого.

В центре села, на перекрестке, памятник – валун с черной плитой, на которой надпись: «В деревне Скобровка в 1944 году находился концентрационный лагерь детей-доноров». Сразу бросается в глаза – мемориал

досмотрен: ограда окрашена, яркие пластиковые цветы украшают пространство вокруг памятного камня.

Мужчина, которого встречаем неподалеку («Александр», – представляется собеседник), узнав о цели нашего визита, охотно рассказывает, что памятный знак на этом месте установили, скорее всего, для... удобства. Лагерь-то, по его мнению, располагался левее, в домах по улице, ведущей к бывшему военному аэродрому. Сейчас на месте летного поля сельскохозяйственные угодья, а почти 80 лет назад оно было обнесено колючей

В деревне Скобровка в 1944 году находился концентрационный лагерь детей-доноров

ГЕНОЦИД НА КРОВІ

- Фашисты отделяли детей с I группой крови. Несовершеннолетние становились «полными» донорами.
- «Полный» донор в гитлеровской терминологии – это человек, у которого забрали всю кровь.
- Запрещалось использовать при лечении раненых немцев кровь «недолюдей», дети от 6 до 14 лет в эту категорию не входили.
- На территории Беларуси в 1941–1944 годах действовали 16 детских концлагерей. Треть из них создали для «полного» донорства. Самые известные – Красный Берег и Скобровка.

провоолокой, по периметру стояли вышки с пулеметчиками: немцы страшно боялись партизан.

«В 1960–1980-е никто даже не вспоминал, что в Скобровке была „детская деревня“, где держали малолетних узников».

Наш случайный, но, судя по всему, весьма осведомленный собеседник сообщает, что довоенные строения или какие-либо объекты, хоть как-то связанные со страшной историей Скобровки, не сохранились. После Победы люди заново отстраивались, даже дорога, утверждает мужчина, стала более петливой.

Старший научный сотрудник Пуховичского районного краеведческого музея Александр Пранович, с которым мы вместе приехали в Скобровку, ничуть не удивляется, что в те годы о том, что происходило в Скобровке, молчали:

– В 1960–1980-е никто даже не вспоминал, что в Скобровке была «детская деревня», где держали малолетних узников. Все скрывали...

Александр Александрович знает, о чем говорит. В 1970-х учительствовал в соседних Ананичах, позже работал в Пуховичском райкоме партии. Тогда о детском концлагере в Скобровке действительно помалкивали, тема была, что называется, закрыта, ей не занимались. Даже в книге «Памяць. Пухавіцкі раён», увидевшей свет в 2003 году, в перечне военных памятников на территории Блонского сельсовета, к которому относится деревня, нет упоминания о монументе, перед которым мы стоим. Хотя опубликованы шокирующие воспоминания В.Я. Лобач из Марьиной Горки: «Из Бобруйска на станцию Пуховичи были привезены дети в количестве 850 человек. Позднее привезли еще 760 человек. Возраст детей от 6 до 14 лет. Я беседовала с работниками

детского лагеря деревни Скобровка насчет обращения с детьми и для какой цели они взяты. Мне рассказали: обращение с детьми было неплохое, но детей брали для того, чтобы взять у них кровь для раненых немецких солдат и офицеров. Это делалось так: приезжают в лагерь днем, отбирают полнокровных детей, а вечером потемну увозят. После этого в лагерь дети больше не возвращаются. Куда девают их – неизвестно».

Шрамы на сердце

«Много белых пятен...» – отвечали нам краеведы и исследователи, к которым мы обращались с просьбой рассказать о Скобровке в годы фашистской оккупации, о лагере для малолетних узников. Мол, в архивах ничего нет, а свидетельства очевидцев – лишь вспомогательная база.

Единственный документ, на который ссылались наши собеседники, хранится в Национальном архиве Беларуси, опубликован в книгах, можно найти в интернете – «Акт о детском лагере, созданном немецко-фашистскими оккупантами в селе Скобровка». Составили его сразу после освобождения населенного пункта 8 июля 1944 года. Подписали акт офицеры Красной армии гвардии майор Гуренко и капитан Костян (их инициалы не указаны), а также жители деревни И.А. Федоринчик, Р.П. Цыманович, Е.И. Зенько, М.И. Федоринчик и В.А. Федоринчик.

Что можно почерпнуть из этого документа? «С 27 мая 1944 года в с. Скобровка открылся детский лагерь из привезенных из Полесской области детей в возрасте от 6 до 14 лет. Лагерь назывался „Детское село Скобровка“, а позднее „Юношеское село Скобровка“... По краям Скобровки жили крестьяне и стояла немецкая воинская часть. Значительная часть жителей была эвакуирована. „Село“ имело обозначенные границы. По улице с обеих сторон построены деревянные двойные стенки, засыпанные землей, с бойницами... Патрулировала вооруженная охрана. Проволокой „Детское село“ обнесено не было... В лагере имели место случаи смерти детей от тифа».

Несовершеннолетние узники жили в 5–7 домах в центре вытянутого на три километра населенного пункта, в каждой хате от 20 до 36 детей. Александр Пранович утверждает, что более близки к правде последние сведения о 27 домах, где содержались дети и подростки, – за неполные два месяца через лагерь в Скобровке прошло до 1,8 тысячи юных заключенных.

Кормили их один раз в день: выдавали 200 граммов хлеба, эрзац-кофе (немецкий стандарт, которым поили

Александр Пранович считает, что молодежи нужно буквально вдавливать в голову историю войны, иначе ее заменит «правда» из смартфона

даже узников Освенцима), консервную банку со щавелем, собранным самими заключенными, иногда наливали супа. Молоко не полагалось, хотя в лагере было стадо из 10 коров. Поднимали в семь утра, принуждали к сельскохозяйственным работам. «Детей били, в наказание заставляли прыгать по селу по-лягушачьи». Перед приходом Красной армии их погнали засыпать колодцы, уничтожать крестьянские сады и огороды, жечь солому с крыш и оставленную селянами домашнюю утварь.

Почти в самом конце «Акта о детском лагере» замечание: «Слухов о том, что у детей брали кровь здесь не было». Именно так – с пропущенной запятой! И понимаем как хочешь: то ли слухов не было, то ли кровь брали, но не «здесь».

– Сложно о чем-то говорить конкретно, пока нет документов, – разводит руками Александр Пранович. – Основа – этот «Акт». А, может быть, он недостоверен? Опросили после освобождения местных женщин, они и рассказали, что знали.

Наш собеседник полагает, что подобные документы в условиях военного времени да еще в ходе наступления могли составлять, что называется, на скорую руку. Главное – зафиксировать факт, каких-либо основательных следственных действий, в том числе тщательного опроса свидетелей, никто не проводил по понятным причинам. Не стыкуется информация в акте и с воспоминаниями В.Я. Лобач, опубликованными в книге «Памяць. Пухавіцкі раён».

Уже в своем рабочем кабинете в Марьиной Горке Александр Александрович снимает с полки мемуары генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Панова, командовавшего 1-м гвардейским танковым корпусом – тем самым, что освободил белорусский райцентр летом 1944 года. Зачитывает:

– В Марьиной Горке наши части освободили восемьдесят советских детей в возрасте 8–12 лет. Перед глазами гвардейцев предстали живые скелеты, обтянутые кожей. Дети едва держались на ногах, посинели от большой потери крови. Оказалось, что гитлеровцы превратили детей в доноров. Изуверы брали детскую кровь для своих раненых, не считаясь с жизнью маленьких пленников. Эта страшная картина усилила ненависть к врагам.

«Опросили после освобождения местных женщин, они и рассказали, что знали».

Краевед обращает наше внимание на еще одно документальное свидетельство – воспоминания Григория Романовича Назаренко из Браслава. (Он мальчишкой, которого домашние называли Жорж, оказался в концлагере.) Их опубликовала газета «Беларусь Сегодня» 9 сентября 2016 года: «В итоге нас все-таки привезли эшелонам в Марьину Горку. Здесь нас, видимо, держали в каком-то загашнике... Рядом со Скобровкой был большой сарай из красного кирпича. Он был весь устлан истертым льном, на котором мы спали, не раздеваясь...».

Александр Пранович говорит, что строение из красного кирпича вспоминали и другие выжившие малолетние узники. Но в деревне ничего подобного тогда не наблюдалось. Между тем, по утверждению краеведа, находился льнозавод, где многие строения были из

На территории бывшего льнозавода сохранилось здание из красного кирпича, о котором вспоминали выжившие узники

красного кирпича. Немцы во время оккупации приспособили его для хозяйственных нужд и, судя по всему, часть детей, среди которых был и Жорж, привезли в этот кирпичный сарай в городской черте.

– Предположение может быть только одно: у немцев здесь были два лазарета, и юных доноров доставляли поближе к ним, в Марьину Горку, – рассуждает Александр Александрович. – Здесь у них брали кровь и костный мозг.

Словно в подтверждение этой исторической версии – жуткие детали из книги «Пам'яць. Пухавіцкі раён»: «Сестра из военного лазарета в Марьиной Горке Голуб Мария мне говорила, что она один раз утром обнаружила в лазарете пять детских трупов после того, как у них была взята кровь для раненых».

Простудировав многочисленные воспоминания бывших малолетних узников в различных источниках, замечаю следующее. Часть спасенных утверждает, что содержали их в самой Скобровке, откуда некоторых увозили и они не возвращались. Другие бывшие малолетние узники в своих воспоминаниях говорят о каком-то кирпичном строении, где у них в несколько заходов брали кровь...

На столе в небольшом кабинете старшего научного сотрудника Пуховичского районного краеведческого музея появляется все больше книг и папок с документами. И вдруг словно озарение, как будто все пазлы сложились в огромное историческое полотно и стала очевидной шокирующая, леденящая душу и сердце правда – фашистские изверги использовали детей как доноров не только в печально известной Скобровке, но и в других местах Пуховичского района. Им так было удобно, чтобы поближе к своим госпиталям.

Эту версию подтверждают показания начальника Бобруйской хозяйственной команды № 208, которые он дал советским следователям. Их приводят Аркадий Шуран и Михаил Синькевич в своей книге «Скорбная хроника деревни Скобровка»: «В мае 1944 года командующий 9-й армией дал задание организовать так называемые молодежные деревни, которые подчинялись бы молодежному движению Белоруссии. Вначале для этого выселили из двух деревень все гражданское население. Насколько я помню, эти деревни расположены вблизи Марьиной Горки... По приказу 9-й армии хозяйственная команда Бобруйска снабжала их продовольствием».

Фото иллюстративного характера

Педантичный немецкий интендант вряд ли мог ошибаться, говоря о количестве находящихся на довольствии «детских деревень» около Марьиной Горки. Но о «второй Скобровке» никаких упоминаний. Нет их и в протоколах, которые вели советские следователи.

Пытаясь объяснить существующие нестыковки, исследователи обоснованно полагают, что кровь у детей в лагере не брали, для этого нужны определенные условия. Скорее всего, узников фашисты доставляли в немецкие госпитали и уже там творили свои злодеяния. Известный акт тоже указывает на это: «Взрослых и здоровых детей увозили в неизвестном направлении».

«...У немцев здесь были два лазарета, и юных доноров доставляли поближе к ним, в Марьину Горку».

...Мы побывали на территории бывшего льнозавода в Марьиной Горке. Теперь там филиал обувной фабрики, за нарядным фасадом просматриваются старые здания из того самого красного кирпича. От сознания того, что в одном из них дожидались своей печальной участи несовершеннолетние доноры, стало как-то не по себе...

Кровавый след коллаборантов

Александр Пранович утверждает, что в годы войны Пуховичский район был адovým местом:

– В Минске гауляйтер Кубе еще как-то заигрывал с белорусской интеллигенцией, – говорит краевед. – Но в Марьиной Горке, где верховодило немецкое командова-

ние 9-й армии, действовали жестокие законы военного времени: чуть что, отвозили в лес и расстреливали.

«Детскую деревню Скобровка» немцы создали по инициативе так называемого Союза борьбы против большевизма, который в то время базировался в Бобруйске. Руководил организацией некто Михаил Окταν, фигура таинственная и зловещая. О нем упоминают многие, но странное дело, даже фото этого выродка не сохранилось.

Российский историк Иван Грибков попытался восстановить биографию коллаборанта и привел ряд фактов, позволяющих определить цели создателей лагеря в Скобровке. Окταν – анаграмма-фамилия Михаила Натко, до войны сотрудника отдела образования в российском Орле. Летом 1941-го его призвали в Красную армию, откуда Окταν-Натко дезертировал и переметнулся на сторону врага. В ситуации, когда кое-кто сдавался немцам из-за собственной трусости или меркантильных соображений, этот служил за идею. Его приверженность национал-социализму оказалась настолько явной, что предателю доверили редактировать русскоязычную газету «Речь» и связанные с ней издания. Видимо, доверие это было настолько безграничным, что «Речь» оккупационные власти цензуре не подвергали. Октана гитлеровцы считали своим.

Летом 1943 года, после успешного наступления Красной армии, предателю пришлось перебраться из Орла в Бобруйск. Весной 1944-го здесь по его инициативе и создали профашистскую организацию «Союз борьбы против большевизма». Причем бывший педагог не забыл о белорусских детях – было принято решение сфор-

мировать «воспитательные лагеря». Многие проясняют слова Альфреда Розенберга, рейхсминистра восточных оккупированных территорий: «Нельзя допускать, чтобы при возможных операциях по отступлению (немецких войск) подростки попали в руки большевиков, так как это может привести к усилению военного потенциала противника».

Гитлеровцы бесчеловечные манипуляции с подрастающим поколением назвали «Сенокосом» – похищения детей, депортация, забор крови и костного мозга, убийства. Предусматривался вывоз юных рабов на принудительные работы в Германию, создание концлагерей на территории Беларуси.

Ольга Клименко была подростком в военные годы. В 2016 году она рассказала газете «Жыццё Палесся», как полицаи окружали деревни и насильно отбирали детей у родителей (могли забрать как одного ребенка из семьи, так и сразу двух-трех). При этом использовали собак для поиска спрятавшихся, а сопротивляющихся матерей и бабушек избивали прикладами. На вопрос «Куда вы их?» коллаборанты отвечали: «К доктору!» Несовершеннолетних закидывали в грузовики и везли на сортировочные пункты, откуда переправляли в Марьину Горку, рядом с которой – Скобровка. При перевозке у всех детей брали кровь на анализ. Нетрудно догадаться, зачем оккупанты озаботились их здоровьем...

«Цель была онемечить около 50 тысяч белорусских детей, превратив их в „сено“ для немецкой нации».

По сути так называемый воспитательный лагерь был лишь ширмой для бесчеловечных медицинских манипуляций.

Лагерь в Скобровке выпала роль образцово-показательного, его торжественно открыли 27 мая 1944 года. Священник Я.П. Немшевич освятил дома, детям выдали специальные значки Союза борьбы против большевизма. Потом Немшевич расскажет следователям: он знал, что малолетних заключенных использовали в качестве доноров.

Малоизвестный факт: немцев в Скобровке почти не было, хватало усердных служак из числа коллаборантов. Был «свой» комендант лагеря, кладовщики и «вожатые».

Александр Пранович, занимаясь собственным расследованием, пришел к выводу, что в Скобровку привозили малолетних из Гомельщины, из детского концентрационного лагеря Красный Берег.

Один из экспонатов Пуховичского районного краеведческого музея напоминает о Скобровке

[МЕРКАВАННЕ ДАСЛЕДЧЫКА]

Дырэктар – галоўны рэдактар выдавецкага дома «Звязда», старшыня Саюза пісьменнікаў Беларусі, вядомы краязнаўца Алясь Карлюкевіч – аўтар шматлікіх артыкулаў пра дзіцячы канцлагер і былых юных вязняў.

– Алясь Мікалаевіч, чаму пра Скобраўку загаварылі адносна нядаўна?

– Маўчанне было і ў дачыненні да некаторых іншых дзіцячых канцлагаў. Лагер у Скобраўцы быў сфарміраваны незадоўга да вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Адсутнічаў паўнаважны масіў дакументаў. Многія дзеці пасля вызвалення Мар'інай Горкі, Скобраўкі проста разбегліся, шукаючы дом, прытулак. Шмат хто з іх нават адраіваў сваіх пакут у памяці не ўтрымаў. А пазней пра тое, што былі ў лагеры, многім прызнавацца было боязна. Так, прынамсі, пісалі ў газету «СБ. Беларусь сёння» (я тады там працаваў) пасля публікацыі пра Скобраўку былі вязні, якія толькі параўнальна нядаўна пайшлі з жыцця.

Ці не ўпершыню тэма дзіцячага канцлагера ў Скобраўцы была закранута ва ўспамінах партызанскага камандзіра Паўла Вараб'ёва, які ваяваў з фашыстамі на Пухавіччыне. Ваенны юрыст, які служыў у пасляваенныя гады на Ціхаакіянскім флоце, ён меў настойлівы характар у высвятленні ісціны і, магчыма, у другой сваёй кнізе (першая – «Імя Камсамола» – выйшла ў выдавецтве «Беларусь» двойчы), якая так і засталася ў рукапісе, сведчанню ў дачыненні да скобраўскай тэмы было шмат болей... Мне давялося сустрэцца з Паўлам Сяргеевічам у 1985 годзе і некалькі гадоў я з ім ліставаўся, шкадую, што, распытваючы ў партызана пра другія моманты яго біяграфіі, я неяк абышоў тэму Скобраўкі.

– Чаму ў акце пра Скобраўку, які склалі ў 1944 годзе, хапае нестыковак, недакладнасцей?

– Мне цяжка гаварыць пра тое, наколькі сапраўдным быў акт, які аформілі па свежых слядах скобраўскай трагедыі яшчэ ў час вайны. Але навідавоку тое, што ўсю карціну трагедыіных, драматычных падзей ён не адлюстроўваў...

Мяркую, што на месцы лагера павінен быць помнік. Генацыд народа Беларусі, жаданне фашыстаў знішчыць наш славянскі генафонд, растрэпаны наш маральны, наш гістарычны код выяўляюцца ў самых розных праявах. Не памятаць гэтага, не перадаваць памяць пра драматычныя выпрабаванні нашых гераічных прашчур – шлях да духоўнай і фізічнай гібелі.

– А в Скобровке их готовили для отправки в Германию. Эти действия осуществлялись в рамках операции «Сенокос», – говорит Александр Александрович. Цель была онемечить около 50 тысяч белорусских детей, превратив их в «сено» для немецкой нации.

«...Всегда в этих тяжелых рассказах „присутствовала“ кровь, как брали ее перед отправкой по несколько раз...»

Факты отправки малолетних узников в фашистскую Германию подтверждены документально. Минимум две группы успели вывезти, дети работали у местных бауэров и на заводах.

– Многие из тех, кто выжил, вернувшись на родину, поделились своими воспоминаниями, – продолжает рассказ Александр Пранович. – И всегда в этих тяжелых рассказах «присутствовала» кровь, как брали ее перед отправкой по несколько раз...

Михаил Октан, идейный вдохновитель «воспитательного лагеря», после войны незаметно исчез, хотя искали его долго и планомерно. Коллаборантов – начальника лагеря и «вожатых» – осудили к различным срокам заключения.

– Очень много белых пятен пока, не хватает фактов, – вздыхает Александр Александрович. – Но ясно одно: геноцид был, несомненно!

Вместо эпилога

Одна из последних картин, над которой работал известный белорусский живописец Михаил Андреевич Савицкий, рассказывает о детском концлагере Скобровка. История эта, подчеркивает Александр Пранович, до глубины души потрясла Мастера, бывшего узника немецких концлагерей.

Полотно получило название «Скобровка-1944». Делась творческими замыслами, Михаил Савицкий подчеркивал тогда: «Концлагерь, где брали кровь у детей, нигде официально не существовал... Лично я расцениваю его как преступление еще более страшное, чем у Ирода, который убивал детей».

Художник не успел завершить работу, которой придавал огромное значение. Но он горел ею, снова и снова переделывал, понимая, насколько важна эта картина для памяти будущих поколений.

Алексей ГОРБУНОВ

Фото автора и из фондов

Пуховичского районного краеведческого музея